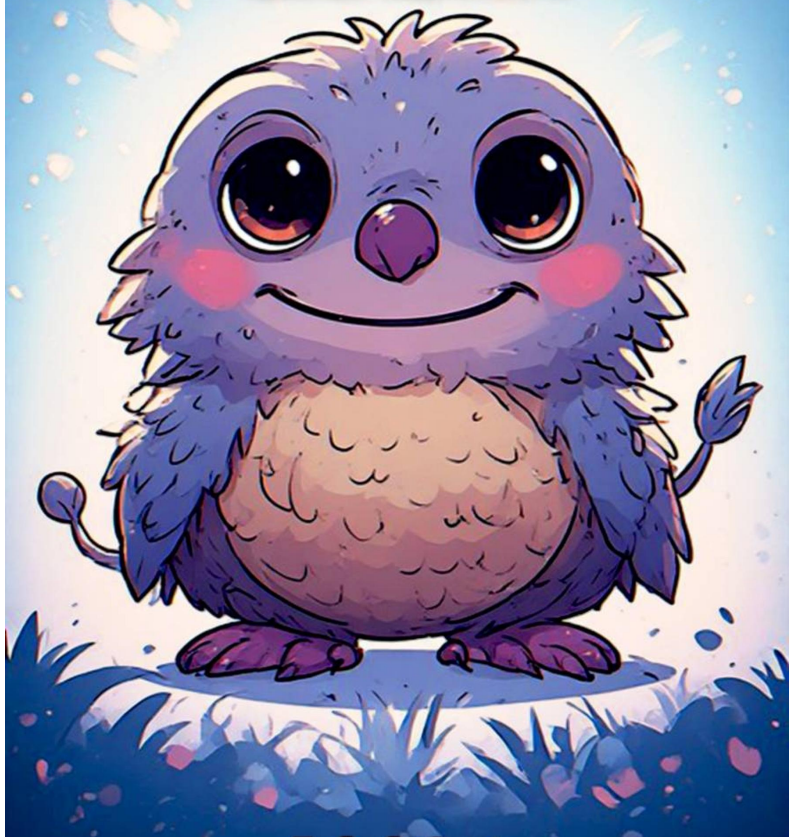

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Детские сказки

<https://litres.ru/73777496>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — волшебный сундучок с 50 короткими сказками, где звери с забавными иностранными именами попадают в смешные и трогательные ситуации.

Ёжик Феликс учится честности, бельчонок Лукас — признавать ошибки, а пингвин Оливер доказывает, что быть «не таким» — весело и здорово. Здесь доброта, принятие себя и других, а также честность всегда побеждают, а финал каждой истории приносит радость и улыбку.

Идеально для чтения перед сном, обсуждения с детьми и первых уроков эмпатии. Сказки показывают, что быть собой и поступать по совести — это и есть настоящее счастье.

Содержание

Ёжик Феликс и потерянные яблоки	4
Бельчонок Лукас и краденый орех	10
Лисёнок Хьюго и невидимые крылья	16
Пингвин Оливер – король танцев	22
Черепаха Пенелопа и день спешки	29
Котёнок Леон и шкаф с секретом	36
Утёнок Дональд и серый пух	42
Собачка Рокси и хвастливый мяч	48
Крот Марсель и разноцветные очки	55
Овечка Бианка и чёрное пятнышко	62
Жираф Саймон и нелепая шея	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Eyforis Lurt

Детские сказки

Эта книга — волшебный сундучок с 50 короткими сказками, где звери с забавными иностранными именами попадают в смешные и трогательные ситуации.

Ёжик Феликс учится честности, бельчонок Лукас — признавать ошибки, а пингвин Оливер доказывает, что быть «не таким» — весело и здорово. Здесь доброта, принятие себя и других, а также честность всегда побеждают, а финал каждой истории приносит радость и улыбку.

Идеально для чтения перед сном, обсуждения с детьми и первых уроков эмпатии. Сказки показывают, что быть собой и поступать по совести — это и есть настоящее счастье.

Ёжик Феликс и потерянные яблоки

Часть 1. Утренняя находка

Утро в лесу выдалось прозрачным и золотистым. Ёжик Феликс, только что проснувшись, потянулся в своей норке под корнями старой сосны, умылся лапкой и отправился на разведку. Он любил ходить по одной и той же тропинке, где каждое утро пахло мятой, сыроежками и прошлогодними листьями.

Но сегодня запах был другим. Сладким. Тёплым.

Феликс принюхался и побежал быстрее. Его чёрный носик дрожал от любопытства. За поворотом, прямо у куста орешника, стояла плетёная корзина. Да не пустая! Полная яблок – красных, жёлтых, с капельками росы на блестящих боках.

– Ого, – выдохнул ёж. – Никогда не видел столько сразу.

Он обошёл корзину три раза, иголки чуть приподнялись от волнения. Яблоки пахли так, что у Феликса закружилась голова. С утра он ещё ничего не ел, и тут – целое богатство!

«Никого нет вокруг, – подумал он. – Может, лес сам подарил их мне?»

Феликс представил, как перетаскает яблоки к себе в норку. Как будет есть их по одному холодными вечерами, как сварит яблочное варенье, которого у него никогда не было. Лапки сами потянулись к самому румяному боку.

Но в последний момент он отдёрнул лапу.

– А если это чьё-то? – вслух спросил себя Феликс. – Если кто-то положил корзину на минутку и сейчас вернётся?

Ёжик сел на пенёк и задумался. Совесть у него была хоть и маленькая, но очень честная. И мама-ежиха когда-то учила его: «Чужое брать нельзя, даже если очень хочется».

Феликс вздохнул. Очень-очень хотелось. Но он решил подождать.

Часть 2. В поисках хозяина

Он ждал пять минут, десять, четверть часа. Никто не при-

ходил. Тогда Феликс понял, что надо искать хозяина самому. Но как?

Он заметил на дне корзины маленький кленовый листок, а на нём – карандашный рисунок: морковка и ухо. Длинное, висячее ухо.

– Кролик! – догадался ёж. – Это чей-то кролик забыл корзину.

Феликс знал в лесу трёх кроликов. Серого, который всё время чихал, рыжего, который любил сплетни, и самого тихого – Бенжамина. Бенжамин жил на опушке, возле огорода, и всегда выглядел так, будто только что потерял что-то важное.

«Наверное, это его яблоки», – решил Феликс.

Он вдохнул поглубже, поднатужился и покатил корзину перед собой. Яблоки мягко стучались друг о друга, и этот звук был для Феликса самым мучительным на свете. Как идти по лесу, когда у тебя за спиной – райский сад, который тебе не принадлежит.

По дороге ему встретилась сорока. Она стрекотала:

– Феликс, да ты богач! Что, нашёл клад? Продай яблочко!

– Нет, – тяжело дыша, ответил ёж. – Я ищу хозяина.

– Ха! Хозяин тот, кто нашёл! – засмеялась сорока и улетела.

Но Феликс не послушался. Он вспотел, устал, один раз корзина перевернулась, и пришлось собирать яблоки по траве. Одно, самое красивое, чуть не укатилось в ручей. Феликс еле его выловил.

Наконец показалась полянка, где стоял домик Бенжамин с синей ставенкой. Сам кролик сидел на крыльце и тихо плакал в свой пушистый хвост.

– Бенжамин! – крикнул Феликс. – Это не твои яблоки?

Кролик поднял голову. Глаза у него были красные от слёз, усы дрожали.

– Феликс! – закричал он так громко, что с куста слетели воробьи. – Мои! Я собирал их для пирога к приходу гостей! Отошёл поправить калитку, а корзина... я думал, её украли!

Он подбежал к корзине, пересчитал яблоки – все до одного. И тогда кролик обнял ёжика, не обращая внимания на колючки.

Часть 3. Пирог и дружба

– Ты мог взять их себе, – прошептал Бенжамин. – Никто бы не узнал.

– Я бы знал, – ответил Феликс просто. – И яблоки тогда были бы невкусные.

Кролик посмотрел на него с таким уважением, что Феликс даже застеснялся. Тогда Бенжамин сказал:

– Оставайся. Я пеку пирог из этих яблок. И ты будешь

первым, кто его попробует. Не гость, а настоящий друг.

Феликс хотел отказаться – он же не ради награды старался. Но запах свежего теста, корицы и яблок был таким сильным, что отказаться не получилось.

Они вошли в домик. Пока кролик месил тесто и резал яблоки тонкими ломтиками, ёжик рассказывал о своей дороге, о том, как сорока его соблазняла, и как одно яблоко чуть не уплыло в ручей. Бенжамин слушал и улыбался.

Пирог получился золотистым, с хрустящей корочкой и начинкой, которая таяла во рту. Они ели его с мятным чаем, сидя на крыльце. Вокруг летали бабочки, солнце клонилось к закату, и Феликс вдруг понял, что никогда в жизни не был так счастлив.

– Знаешь, – сказал он, облизывая ложку, – если бы я забрал те яблоки, у меня было бы много еды. Но не было бы этого вечера. И тебя.

– А у меня не было бы пирога, – добавил Бенжамин. – И друга. Потому что друг – это тот, кто возвращает тебе яблоки, даже когда никто не смотрит.

С тех пор каждое утро Феликс и Бенжамин завтракают вместе. Один приносит яблочный пирог (остывший, но всё равно вкусный), другой – грибы из лесу. А корзина теперь стоит на почётном месте между их домиками: пустая, но напоминающая о том, что честность иногда даёт гораздо больше, чем целый воз яблок.

И если вы когда-нибудь потеряете что-то в лесу – не спешите плакать. Может быть, маленький ёжик Феликс уже катит вашу пропажу обратно, пыхтя и отказываясь от соблазнов.

Конец.

Бельчонок Лукас и краденый орех

Часть 1. Блестящий соблазн

В лесной роще, где старые дубы дружат с молодыми клёнами, жил бельчонок по имени Лукас. Он был шустрым, рыжим, с хвостом, похожим на язычок пламени, и с характером – тоже огонь. Лукас любил три вещи: бегать наперегонки с ветром, прятать запасы на зиму и... рассматривать чужие сокровища.

Особенно он любил смотреть на вещи, которые ему не принадлежали.

Однажды утром Лукас скакал по веткам в поисках шишек и наткнулся на маленькую полянку, где жила мышка Софи. Софи была не простой мышкой – она коллекционировала красивые предметы: пёрышки, стекляшки, пуговицы, а в центре её коллекции лежал орех. Не простой, а блестящий – отполированный дождями и временем до зеркального блеска. Он лежал на плоском камушке и переливался на солнце, как маленькая драгоценность.

Лукас замер.

– Ого, – прошептал он, прижимаясь к стволу. – Вот это да...

Мышки дома не было. Она ушла за колосками на дальний луг. Орех лежал совсем один, никому не нужный в этот момент. Лукас спустился ниже. Потом ещё ниже. Лапки сами

понесли его вперёд.

«Софи даже не заметит, – подумал он. – У неё много всяких блестяшек. А у меня нет ни одной красивой вещи. Только серые шишки и скучные желуди».

Он оглянулся. Никого. Только ветер шевелил листву, да кузнечик играл на своей скрипке где-то в траве.

Лукас протянул лапу. Орех был тёплым от солнца и таким гладким, что его хотелось тереть о щёчку. Бельчонок быстро сунул его за щеку – туда, где обычно прячут запасы – и в три прыжка взлетел на дерево.

Сердце колотилось как бешеное. Он бежал по веткам, перепрыгивал с дуба на сосну, с сосны на ель, пока не добрался до своего тайного дупла. Там он вынул орех, положил на мох и долго смотрел.

Красивый.

Очень красивый.

Но почему-то не радовал.

Часть 2. Тяжёлый орех совести

Ночью Лукас не спал. Он ворочался на своей лежанке из сухих листьев, и блестящий орех словно жёг ему бок из тайника. Бельчонок закрывал глаза – и сразу видел полянку Софи, пустой камушек и её растерянную мордочку, когда она вернётся и не найдёт сокровища.

– Она будет плакать, – прошептал Лукас в темноту. – А я буду знать, что это из-за меня.

Сова, жившая на соседнем суку, удивилась – обычно бель-

чонок храпел до рассвета, а тут сидит на краю дупла и вздыхает.

– Что с тобой, Лукас? – ухнула она.

– Ничего, – соврал бельчонок.

– Если ничего – спи. А если не спится – значит, у тебя что-то болит внутри.

Лукас промолчал. Но внутри у него действительно болело. Не живот, не лапка – а место, про которое мама говорила «совесть». Он думал, что совесть – это что-то маленькое и неважное. А оказалось, что она как тот самый орех: маленькая, но блестящая, и если с ней не в ладу – весь мир теряет краски.

Наутро Лукас попытался радоваться. Он поскакал к своим друзьям-бурундукам, похвастался орехом, сказал, что «нашёл». Бурундуки восхищались, но Лукас видел их глазами, что они не верят. Белки вообще не находят блестящих орехов в лесу. Орехи растут на деревьях, и они матовые, как обычные.

– Ты украл его, да? – спросил самый младший бурундучонок.

– Нет! – слишком громко ответил Лукас и убежал.

Он спрятался в кустах и вдруг понял: врать так же тяжело, как тащить орех втрое больше себя. А жить с чужой вещью

– ещё тяжелее.

В ту минуту Лукас принял решение.

Часть 3. Признание

Он взял орех (на этот раз не в рот, а в лапки – бережно, как драгоценность, которую нужно вернуть) и пошёл к домику Софи. По пути его несколько раз охватывал страх. А вдруг Софи рассердится? А вдруг расскажет всем, и его назовут вором? А вдруг больше никто не захочет с ним дружить?

«Тогда сам виноват», – сказал он себе.

Софи сидела на крылечке своего домика из сухой травы и перебирала коллекцию. Она явно что-то искала – перекладывала пёрышки, стекляшки, пуговицы, и её маленький носик грустно подрагивал.

– Софи, – тихо позвал Лукас. – Можно к тебе?

Мышка подняла голову. Глаза у неё были заплаканные.

– Лукас, – ответила она. – Ты случайно не видел мой орех? Самый красивый, блестящий. Он лежал на камушке, а теперь... наверное, ветер унёс. Или ворона.

Лукас почувствовал, как земля уходит из-под лап. Легче было бы, если бы она кричала и обвиняла. Но Софи была такой доброй, такой доверчивой, что врать дальше стало просто невозможно.

Он подошёл ближе, протянул лапки и положил орех перед мышкой.

– Это я взял, – сказал Лукас. И голос его дрожал. – Тайком. Когда тебя не было. Я хотел оставить себе, потому что

он красивый. А красивого у меня нет. Прости меня, Софи. Я вор.

Тишина стояла такая, что было слышно, как в траве растёт клевер. Софи взяла орех, повертела в лапках и посмотрела на бельчонка. Не сердито. Не презрительно. А с каким-то новым, внимательным выражением.

– Ты сам пришёл, – сказала она. – И сам признался. Это было страшно?

– Очень, – честно ответил Лукас.

– Значит, ты не вор, – улыбнулась Софи. – Вор не признаётся. Вор прячет и врёт дальше. А ты принёс обратно и сказал правду. Это называется смелость.

Лукас вытер слезу (он не плакал с тех пор, как упал с дерева в три года) и спросил:

– Ты не прогонишь меня?

Вместо ответа Софи взяла блестящий орех и вложила его обратно в лапки бельчонка.

– Возьми, – сказала она. – На память о том, какой ты смелый. А я знаю, где взять ещё один. Вон под тем дубом лежат такие же. Я просто этот больше всех любила. Но теперь я люблю его не из-за блеска. А из-за истории, которая с ним случилась.

Лукас смотрел на орех. Теперь он не жёг ладошки – он согревал их.

Эпилог. Орех, который стал главным сокровищем

С тех пор блестящий орех лежит в дупле Лукаса на самом видном месте. Иногда к нему заходят друзья, и бельчонок рассказывает: «Этот орех подарила мне мышка Софи. За то, что я один раз украл его, а потом вернул». Друзья смеются и говорят: «Странная история для подарка». А Лукас качает головой.

– Самая правильная, – отвечает он. – Потому что эта штука напоминает мне каждый день: легко быть честным, когда никто не видит. А трудно – когда очень хочется взять чужое. Но если ты всё равно делаешь правильное дело – тогда ты вырастаешь. Не в размере, а внутри.

Софи и Лукас стали лучшими друзьями. Каждое воскресенье они пьют чай с грибами (Софи) и шишками (Лукас) и обсуждают, что ещё в лесу лежит не на своём месте. Иногда Лукас находит потерянные вещи – пуговицу, перо, красивый камешек – и относит хозяйке. Не потому, что должен. А потому, что знает: чужие сокровища не приносят счастья. Счастье приносит лёгкость внутри, когда ничего не жжёт совесть.

И если вы когда-нибудь возьмёте чужое и вам станет очень грустно – не бойтесь вернуть. Может быть, вам не только простят, но ещё и подарят тот самый орех. На память о смелости.

Конец.

Лисёнок Хьюго и невидимые крылья

Часть 1. Быстрые ноги и острый язык

На солнечном склоне, где заканчивался лес и начиналось поле с дикими цветами, жил лисёнок по имени Хьюго. Рыжий, длинноногий, с хвостом, который всегда торчал трубой от уверенности в себе. Хьюго бегал быстрее всех, громче всех кричал «ку-ку» в прятках и лучше всех умел находить чужие слабые места.

Особенно ему нравилось замечать, у кого что не так.

«У крота плохое зрение! У сороки хриплый голос! У улитки медленный шаг!» – перечислял он на завтрак, и другие зверята сначала смеялись, а потом как-то неловко замолкали.

Больше всего Хьюго доставалось бабочке Луизе. Луиза была старой знакомой всей поляны – голубовато-сиреневая, с узором, похожим на глаза совы. Она летала не спеша, покачиваясь, иногда закладывала странные петли, а при посадке всегда чуть падала на бок, прежде чем выровняться.

– Смотрите! – кричал Хьюго, когда Луиза пролетала мимо. – Летает хуже комара в банке! Эй, Луиза, ты ветерловишь или он тебя?

Бурундуки хихикали. Молодые зайчата прыскали в ладо-

шки. Луиза же делала вид, что не слышит, и медленно, очень осторожно перелетала с ромашки на василёк.

– Ты бы не дразнил её, – сказал однажды старый барсук.
– У каждой бабочки свой стиль.

– А у неё стиль «упаду – не встану»! – заржал Хьюго и показал, как Луиза «криво приземляется». Друзья засмеялись ещё громче.

Луиза отвернулась. Её усики дрожали.

Хьюго не заметил этого. Он вообще не умел замечать, когда кому-то больно от его слов. Ему казалось, что если он смеётся – то и всем весело. Но весело было не всем.

Часть 2. Падение на васильке

Однажды выдался особенно жаркий полдень. Хьюго валялся под кустом и жевал сочную травинку, когда мимо снова пролетела Луиза. Она неслась (насколько это слово применимо к её полёту) к большой клумбе с нектаром. Крылья её работали неровно – левое заметно запаздывало, и бабочку каждую секунду кренило в сторону.

– Эй, Луиза! – крикнул Хьюго, высовывая нос. – Ты куда собралась? В космос по кривой траектории?

Луиза промолчала. Но в этот момент налетел порыв ветра. Левое крыло не справилось, бабочку перевернуло, и она – неуклюже, беспомощно – шлёпнулась прямо на синий василёк, да так, что цветок наклонился до земли.

Хьюго замер.

Он ждал, что Луиза тут же взлетит и сделает вид, что так и надо. Но она не взлетала. Она лежала на цветке, тяжело дыша, и её усики безвольно свисали вниз.

Лисёнку стало не по себе. Он подошёл ближе.

– Эй... ты в порядке? Я просто пошутил.

Луиза подняла голову. Глаза у неё были не сердитые. Они были очень грустные – теми глазами, которые уже много раз слышали обидные слова и устали от них.

– У меня старое крыло, Хьюго, – тихо сказала она. – Левое. Оно повреждено с прошлого лета. Я летаю как могу. Не как попало, а как получается. Каждый день. Каждый цветок. Просто чтобы выжить.

Лисёнок открыл рот и закрыл его. Он не знал, что сказать. Ни одной остроты на языке не нашлось. Только пустота и странная тяжесть в груди.

– А ты дразнишь, – продолжила Луиза. – Каждый день. И твои друзья тоже. Вы думаете, мне смешно? Я стараюсь не плакать при вас. Но иногда плачу вечером, когда сажусь на листок и никто не видит.

И тут Хьюго заметил то, чего раньше никогда не видел. Левое крыло Луизы было чуть меньше правого. Край – порванный, как старая кружевная салфетка. Оно было почти прозрачным – невидимым с первого взгляда. Но если приглядеться, можно было разглядеть шрам. Старый. Заживший, но неправильный.

«Невидимые крылья», – подумал Хьюго. – «У неё невидимые»

димая боль».

Часть 3. Извинение, которое стоило больше, чем нектар

Хьюго сел на землю. Уши его прижались к голове. Хвост потерял свою гордую трубку и безвольно лежал в пыли.

– Луиза, – сказал он тихо-тихо. – Я не знал. Я правда не знал. Я думал, ты просто... ну... неуклюжая.

– Я и есть неуклюжая, – вздохнула бабочка. – Это правда. Но правда и то, что я стараюсь. И что твои слова – это лишний камень, который мне приходится тащить вместе с крылом.

Хьюго молчал целую минуту. Это был рекорд – он никогда не молчал так долго. А потом сказал:

– Прости меня. Я больше не буду дразнить тебя. И никого не буду. Я... я не понимал, что это больно. Думал, что это игра.

Луиза посмотрела на него долгим взглядом. Усики её чуть расслабились.

– Ты правда не будешь? Или просто сейчас сказал, чтобы я не плакала?

– Правда, – ответил Хьюго. И удивился тому, как твёрдо это прозвучало. – Я дурак, Луиза. Можно, я помогу тебе собрать нектар сегодня? Ну, чтобы ты не летала туда-сюда сто раз. Я быстрый. Я могу принести тебя на спине к цветам?

Бабочка фыркнула – впервые за день не от боли, а от удивления.

– Ты хочешь возить меня на своей рыжей спине? Лис – и бабочка?

– А почему нет? – сказал Хьюго. – Все разные. Теперь я понял.

И он лёг на траву, низко-низко, чтобы Луиза могла забраться ему между ушей. Она осторожно, цепляясь за шерсть тонкими лапками, забралась на загривок. И Хьюго пошёл – медленно, как никогда в жизни – от цветка к цветку. Луиза наклонялась, собирала нектар, и каждые несколько минут шептала: «К следующему васильку, пожалуйста». Лисёнок кивал и нёс её дальше.

Зверята на поляне смотрели и не верили своим глазам. Бурундуки перестали хихикать. Зайчата притихли.

– Что это с ним? – прошептал один заяц.

– Кажется, он вырос, – ответил старый барсук.

Эпилог. Поляна, где не дразнят

Через неделю никто уже не помнил, каким Хьюго был раньше. Он перестал выискивать чужие слабости. А когда кто-то из молодых зверят начинал смеяться над кротом («Он же ничего не видит!»), Хьюго спокойно говорил:

– Зато он слышит червяка под землёй за сто шагов. А ты умеешь?

И насмешник замолчал.

Луиза по-прежнему летала криво. По-прежнему падала на бок при посадке. Но теперь, когда она появлялась на поляне,

Хьюго махал ей хвостом, и она махала ему усиком. А иногда, если дул сильный ветер, лисёнок подходил и говорил:

– Давай я провожу тебя до ромашек. У меня четыре лапы – устойчивее, чем два крыла.

Они больше никогда не говорили о старом крыле. Но Хьюго видел его теперь всегда – невидимое для насмешек, но видимое для дружбы. И каждый раз, глядя на Луизу, он вспоминал главное, что понял в тот жаркий полдень:

Каждый летает как может. И тот, кто смеётся над чужим полётом, просто не знает, какой груз лежит на чужих крыльях.

Луиза не стала летать лучше. Но стала счастливее. Потому что кто-то наконец заметил её невидимые крылья и не стал дразнить – а помог собрать нектар.

И если вы когда-нибудь услышите, как кто-то смеётся над тем, кто делает что-то «как попало», – остановитесь. Приглядитесь. Может быть, у этого человека (или бабочки) есть старое крыло. И ему нужна не критика, а тихое: «Давай я помогу».

Конец.

Пингвин Оливер – король танцев

Часть 1. Ледяная походка

На краю бескрайнего ледяного берега, где холодный ветер дружит с вьюгой, а солнце отражается от снега так ярко, что глазам больно, жила колония пингвинов. Все они были важными, степенными, чёрно-белыми и очень похожими друг на друга. Пингвины ходили одинаково – переваливаясь с боку на бок, плавно и солидно. Эта походка считалась признаком хорошего воспитания и пингвиньего достоинства.

И только один пингвин по имени Оливер ходил не так.

Оливер был молод, полон энергии и не понимал, зачем нужно переваливаться медленно, если можно скакать, подпрыгивать, крутиться на месте и бить лапкой об лёд в каком-то непонятном ритме.

– Оливер! – кричала мама. – Перестань дрыгать левой ногой! Ходи нормально!

– Я нормально и хожу! – отвечал Оливер и для доказательства делал три быстрых подскока, поворот на пятке и забавный прыжок на одной лапке.

Мама вздыхала. Соседи качали головами. Учитель в школе пингвинов говорил:

– Дорогой Оливер, пингвины должны ходить, а не выделяться. Это вопрос репутации.

Но Оливер не мог иначе. Когда он слышал, как ветер гу-

дит между торосов, его лапы начинали двигаться сами. Когда трескался лёд под солнцем – он пританцовывал в такт. А когда издалека доносилась песня китов – Оливер и вовсе забывал обо всём и пускался в пляс.

Сначала над ним посмеивались.

– Смотрите, Оливер сломался! – говорили одни.

– Он не пингвин, он кузнечик на льду! – смеялись другие.

– А ну покажи своё «па»! – кричали третьи и хохотали, когда Оливер прыгал на одной лапке, раскинув крылья.

Оливер сначала обижался. Он прятался за айсбергом и тренировался ходить «как все». Переваливался медленно, держа спину прямо. Получалось ужасно – он спотыкался, падал животом в снег и поднимался с красными от стыда щеками.

«Может, я правда какой-то не такой?» – думал он.

Часть 2. Объявление о карнавале

Однажды на ледяной скале появилось объявление:

ВНИМАНИЕ!

Ежегодный Ледяной Карнавал!

Главный приз – Золотая Рыбина!

Ждём всех, у кого есть ритм в сердце!

Танцы разрешены любые. Лучший танец победит!

Пингвины прочитали и пожалы плечами. Карнавал у них проводился каждый год, но танцевать ходили в основном молодые пингвины – те, кто ещё не успел стать слишком важным и солидным. Побеждали обычно самые плавные, медленные, грациозные танцы. В прошлом году выиграл пингвин, который просто красиво переваливался под музыку. В позапрошлом – тот, кто эффектно покачнулся на льду.

– Я пойду, – тихо сказал Оливер.

– Ты? – удивились друзья. – Ты же не умеешь красиво ходить. Тебя засмеют.

– Меня и так смеют, – пожал плечами Оливер. – А там хотя бы можно прыгать. Там написано: «танцы разрешены любые».

Друзья переглянулись. Но Оливер уже ушёл за айсберг – тренироваться.

Он не знал, какой танец придумать. Все его движения были странными: прыжок на одной лапе, волна крыльями, быстрые переборы лапками по льду (он называл это «чечёткой»), смешной наклон вбок и внезапный кувырок. Всё вместе выглядело... ну, как у сумасшедшего пингвина, честно говоря.

Но Оливеру нравилось. Когда он танцевал, внутри у него

разгорался маленький огонь. И ему было всё равно, как это выглядит со стороны.

– Буду танцевать то, что люблю, – решил он. – А если не понравится – значит, не понравится. Зато я попробовал.

Накануне карнавала к нему подошёл старый пингвин по имени Корнелиус – самый уважаемый житель колонии.

– Говорят, ты собрался выступить? – спросил он.

– Да, – ответил Оливер.

– Ты знаешь, что ты смешно прыгаешь на одной лапке?

– Знаю. Но мне нравится.

Корнелиус помолчал. А потом сказал то, чего Оливер не ожидал:

– Знаешь, в молодости я тоже прыгал. Только не на одной лапке, а на двух. И меня тоже считали чудачком. Но я переучился. И теперь жалею. Не бойся быть смешным, Оливер. Смешное иногда становится великим.

Часть 3. Карнавал

Наступил день карнавала. Посреди ледяной лагуны построили сцену – гладкий плоский айсберг, украшенный светящимися рыбьими чешуями. Собрались сотни пингвинов.

Играла музыка – её создавал ветер, дующий через ледяные трубы разных размеров, и это звучало как странный, завораживающий оркестр.

Один за другим выходили танцоры.

Первый пингвин медленно и важно переваливался – раз, два, три, поворот. Зрители вежливо хлопали.

Второй изображал волну: он ложился на лёд и катился на брюхе, извиваясь. Было забавно, но не очень танцевально.

Третий прыгал с ноги на ногу – ровно, скучно, правильно. Все зевали.

Потом вышел Оливер.

Сначала тишина. Потом хихиканье. Потому что Оливер не пошёл на сцену – он выскочил на неё кувырком, вскочил на одну лапку и замер.

Музыка заиграла громче.

И началось.

Оливер прыгал на одной лапке, отталкиваясь так, будто лёд был батутом. Он вертел головой, хлопал крыльями, бил второй лапкой об лёд в ритме – тук-тук-тук-тук! Он кружился волчком, потом резко останавливался и делал «волну» телом от клюва до хвоста. Потом снова прыжок на одной лапке – но теперь с поворотом в воздухе!

Пингвины в зале перестали хихикать. Они замерли. Потом начали хлопать в такт. Потом – притопывать. Маленькие пингвинята повскакивали с мест и начали подражать Оливеру – прыгать на одной лапке, раскинув крылья.

Оливер вошёл в раж. Он забыл, что на него смотрят. Он забыл, что его когда-то дразнили. Он просто танцевал – всё, что умел, всё, что любил. Прыжок, чечётка, кувырок, смешной наклон, снова прыжок на одной лапке – и финальный пируэт, после которого он упал на спину и раскинул лапы звездой.

Тишина. Длилась секунду.

А потом лёд взорвался аплодисментами.

Пингвины кричали, свистели, трясли крыльями. Старый Корнелиус вытирал слезу. Мама Оливера гордо подняла клюв.

– Победитель! – объявил ведущий. – Золотая Рыбина достаётся пингвину, который танцевал не как все. Он танцевал как никто. Прыжок на одной лапке признаётся лучшим танцевальным движением года!

Оливеру вручили большую сверкающую рыбину. Он прижал её к груди и улыбнулся так широко, как только может улыбаться пингвин.

Эпилог. Король одной лапки

С того дня Оливера больше не дразнили. Его прыжок на одной лапке выучили все пингвины колонии – даже самые важные и солидные. По утрам на льду можно было увидеть десятки пингвинов, скачущих на одной ноге и смеющихся. Колония стала веселее.

А на следующем карнавале устроили отдельную номинацию «Самый необычный танец». Победил пингвин, который

просто стоял на одной лапке и спал – но это уже совсем другая история.

Оливер понял главное: не нужно стараться быть как все. Нужно быть собой – даже если твой танец похож на прыжки сумасшедшего кузнеца. Потому что однажды кто-то посмотрит и скажет: «Вот это да. А я и не знал, что на одной лапке можно так здорово прыгать».

И маленькие пингвинята, которые ещё не умели красиво ходить, перестали бояться. Они прыгали, падали, вставали и прыгали снова. А когда им говорили: «Ты делаешь неправильно», они отвечали:

– А я тренируюсь для карнавала.

И никто не смеялся.

Конец.

Черепаша Пенелопа и день спешки

Часть 1. Все бегут, Пенелопа стоит

В лесу, где ручьи журчали торопливо, а белки обгоняли ветер, жила черепаха по имени Пенелопа. Она была старательной, доброй и очень-очень медленной. Панцирь у неё был зелёный, с красивым узором, который никто не разглядывал – потому что никто не хотел ждать, пока Пенелопа повернётся нужным боком.

– Пенелопа, давай быстрее! – кричали ей с утра до вечера.

– Я иду, – спокойно отвечала черепаха и переставляла лапу. Через три секунды – другую.

Лес вообще любил скорость. Белки скакали так, что мелькали хвосты. Зайцы делали тридцать прыжков в минуту. Даже улитки, и те в последнее время подтянулись. А Пенелопа нет.

– Ты нас задерживаешь! – говорила мышь, собирая припасы. – Пока ты дойдёшь до поляны, солнце сядет.

– Ничего страшного, – отвечала Пенелопа. – Я посижу в темноте. Я люблю звёзды.

Звери закатывали глаза. Черепашу любили, но считали безнадёжно медленной. Никто не хотел с ней ходить в походы, потому что каждый шаг превращался в ожидание. Никто

не звал её на соревнования, потому что она приходила к финишу, когда победители уже забыли, что бегали.

– Ты хоть что-то умеешь быстро? – спросил как-то ёжик.

– Умею, – подумав минуту, ответила Пенелопа. – Быстро думать. Но это не видно.

Ёжик фыркнул и убежал.

Пенелопа не обижалась. Она знала: у каждого свой темп. Её темп был темпом утреннего тумана – медленный, вдумчивый, зато всё замечающий. Пока белки пролетали мимо и не видели ни грибов, ни красивых камней, Пенелопа за час успевала рассмотреть каждый листик на тропинке.

Но однажды в лесу случилось такое, что быстрые ноги не помогли – а помогли медленные лапы.

Часть 2. Яма, в которую упали все

Это началось утром. Кто-то крикнул: «Ореховый дождь! На северной опушке град из орехов!» На самом деле никакого орехового дождя не было – просто старый филин пошутит. Но новость разлетелась со скоростью лесного пожара.

Белки бросили свои гнёзда. Зайцы выскочили из нор. Мыши, ёжики, даже барсук – все побежали на северную опушку за бесплатными орехами. Бежали так быстро, что не смотрели под ноги. Бежали так быстро, что забыли про яму. А яма там была – глубокая, старая, которую вырыли корни упавшего дерева и забыли закопать.

– Скорее! Скорее! – кричали все.

И – бам! Бац! Бух!

Первыми в яму свалились зайцы. За ними – белки. Потом мыши, ёжик и даже тяжёлый барсук, который не успел затормозить. Яма наполнилась писком, криками, топотом и испуганными глазами, которые смотрели наверх, на круглое голубое небо.

– Мы застряли! – закричала мышь.

– Кто-нибудь, помогите! – пискнул ёжик.

– Я не могу выпрыгнуть, у меня лапки короткие, – всхлипнул заяц.

Все пытались выбраться. Кто-то прыгал, кто-то пытался сделать лестницу из спин, кто-то звал маму. Ничего не помогало. Яма была глубокая, а стены – отвесные.

И тогда все вспомнили про Пенелопу.

– Где черепаха? – спросил барсук.

– Она же медленная! Она ещё на полпути! – простонал ёжик. – Пока она дойдёт, мы состаримся.

Но Пенелопа шла. Не потому, что спешила. Она просто шла своим обычным шагом – медленно, размеренно, ставя лапу за лапой. Она не слышала про ореховый дождь. Она вообще не бегает за орехами. У неё есть свой запас – собранный за месяц по три орешка в день.

Когда она вышла на северную опушку, то сначала не по-

няля, куда все делись. Поляна была пуста. Только следы лап вели к странной дыре.

– Ау! – позвала Пенелопа.

– Мы здесь! В яме! – закричали снизу два десятка голосов.

Пенелопа подошла к краю (это заняло минуту) и заглянула вниз (ещё полминуты). Увидела кучу перепуганных, перепачканных зверей.

– Вы упали? – спросила она.

– Да! Помоги!

– Сейчас, – сказала Пенелопа. – Только подумаю.

Она села на край ямы и задумалась. Внизу нервничали, кричали «скорее!», но Пенелопа не умела скорее. Она умела правильно.

Через три минуты (для ямы – вечность) она сказала:

– У меня есть верёвка. Я всегда ношу её с собой – на случай, если надо будет кого-то вытаскивать.

– Зачем тебе верёвка, ты же медленная? – удивился кто-то снизу.

– Медленным как раз нужна верёвка. На случай, если быстрые упадут в яму, – ответила Пенелопа.

Часть 3. Один за одним

Она размотала верёвку (аккуратно, не торопясь), привязала один конец к ближайшему дереву (узел проверила дважды), а второй конец сбросила вниз.

– Кто первый? – спросила она.

– Я! Я! Я! – закричали все.

– Не все сразу, – сказала Пенелопа. – Мы сделаем по одному. Это займёт время. Но мы успеем. Никуда не спешим.

Звери в яме застонали. Но делать было нечего. Первой полезла мышка – самая лёгкая. Она ухватилась за верёвку, Пенелопа упёрлась лапами в землю и начала тянуть. Медленно. Очень медленно. Сантиметр за сантиметром. Мышь поднималась так долго, что успела рассказать всю свою биографию и спеть песню.

– Давай быстрее! – кричали снизу.

– Не могу, – отвечала Пенелопа. – Я черепаха. Зато верёвка не порвётся.

Она вытащила мышь. Потом ёжика. Потом одного зайца, второго, третьего. Потом белку, потом ещё одну белку. Потом барсука – это было тяжело, и Пенелопа пыхтела, но не сдалась. Каждого она ободряла тихим голосом:

– Ничего страшного. Потерпи ещё немного. Ты почти наверху.

К тому моменту, когда она вытащила последнего (это оказалась белка, которая упала самой первой), солнце уже клонилось к закату. Все звери сидели на траве, грязные, уставшие, но живые.

И никто не говорил «скорее».

– Пенелопа, – сказал барсук, отдышавшись. – Мы тебя торопили всю жизнь. А сегодня ты нас спасла. Не быстро – но спасла. Если бы ты спешила, как мы, ты бы тоже упала в яму. И некому было бы нас вытаскивать.

Пенелопа кивнула. Она сматывала верёвку (медленно, как всегда) и улыбалась.

– Видите, – сказала она. – Быстро не всегда значит хорошо. Иногда хорошо – это когда кто-то идёт медленно, зато несёт верёвку.

Эпилог. Лес без спешки

С того дня в лесу изменилось многое. Звери перестали кричать «скорее». Они поняли, что если всё время спешить, можно не заметить яму. Или не заметить друга, которому нужна помощь. Или не заметить, как красиво садится солнце.

Пенелопу больше не торопили. Когда она шла по тропинке, звери здоровались и терпеливо ждали, пока она ответит. На праздниках её сажали на почётное место – не потому, что она быстрая, а потому, что она спасла всех. А маленьким черепашатам теперь говорили:

– Не переживай, что ты медленный. Возьми с собой ве-

рёвку. И помни: мир принадлежит не тем, кто быстрее, а тем, кто не бросает других в беде.

Пенелопа до сих пор ходит своей походкой. Переставляет лапу. Через три секунды – другую. А за ней иногда увязывается кто-нибудь из спасённых – и идёт рядом, замедляя шаг, чтобы быть с черепахой наравне. И тогда они молчат, смотрят на облака и никуда не спешат.

Потому что спешить некуда. Самое важное уже случилось – и оно случилось не быстро.

Конец.

Котёнок Леон и шкаф с секретом

Часть 1. Страшный звон

В уютном доме на краю города, где пахло молоком, ванилью и старой мебелью, жил маленький котёнок по имени Леон. Он был серым, пушистым, с белыми лапками и хвостом, который вечно лез куда не надо. Леону было всего четыре месяца, но он уже успел запомнить сто правил: не царапать диван, не прыгать на стол, не пить из маминой кружки и, самое главное, – не трогать вазу на камине.

Ваза была большой, синей, с золотыми рыбками. Мама-кошка говорила, что это подарок бабушки. Леон не понимал, зачем нужна ваза, если в неё нельзя залезть, но знал – трогать нельзя.

Однажды утром мама ушла за покупками. Леон остался один. Он съел завтрак, умылся, погонял солнечного зайчика по полу. Стало скучно. Тогда он вспомнил про полку с книгами – туда он ещё не лазил.

Прыг на стул. Прыг на подоконник. Ещё один прыжок – и Леон оказался на каминной полке. Там стояла та самая ваза, а рядом – пушистая кисточка для пыли. Леон потянулся лапкой к кисточке. Она упала. Он хотел её поймать, задел хвостом вазу, и...

Дзынь!

Звук был таким громким, что Леон подскочил на месте.

Осколки разлетелись по полу: синие, золотые, острые. Посередине лужицы осколков лежала жёлтая рыбка – отколовшийся кусочек.

Котёнок замер.

Сердце колотилось так сильно, что он слышал его ушами. «Мама придёт и увидит, – подумал он. – Она расстроится. Или рассердится. Или...»

Леон не знал, что будет. Но ему стало очень страшно. Так страшно, что он сделал единственное, что пришло в голову, – побежал и спрятался.

Часть 2. Тайник в шкафу

В спальне стоял старый платяной шкаф. Леон всегда его боялся – там темно и пахнет нафталином. Но сейчас шкаф казался единственным безопасным местом. Он проскользнул в щель, забился между мамиными платьями и замер.

В темноте осколки не были видны. И мама не была видна. И правда не была видна.

– Я не специально, – прошептал Леон в воротник шубы. – Это кисточка виновата. И хвост. И ваза стояла слишком близко к краю.

Он пытался убедить себя, что ничего страшного не случилось. Но внутри было противно. Как будто он съел испорченную рыбу. Только это была не рыба, а ложь – он ещё не сказал её вслух, но уже собрался.

«Мама спросит, кто разбил. А я скажу, что не знаю. Или что пришёл и уже так было», – придумывал Леон.

Ему стало себя жалко. Так жалко, что из глаз потекли слёзы. Он шмыгнул носом, и в этот момент услышал, как хлопнула входная дверь.

– Леон? Я дома! – позвала мама.

Котёнок затаил дыхание. Шаги прошли на кухню, потом в гостиную. И там мама остановилась.

Тишина. Долгая, тяжёлая тишина. Леон знал, что она смотрит на осколки.

– Леон? – голос мамы стал тише. – Ты где?

Он молчал. Уши прижал к голове, хвост спрятал под себя. Шкаф скрипнул – мама открыла дверцу.

Свет ударил в глаза. Леон зажмурился. А когда открыл, увидел маму. Она стояла на коленях, смотрела на него не сердито, а очень-очень внимательно. И грустно.

– Ты разбил вазу? – спросила она.

Леон хотел сказать «нет». Слово уже вертелось на языке. Но язык не слушался. Потому что внутри у котёнка было что-то сильнее страха – маленький, твёрдый комочек, который не давал врать.

– Да, – прошептал он. – Я. Нечаянно. Я полез на полку и задел хвостом. Я испугался и спрятался. Прости меня, мама.

Слёзы потекли снова. Леон опустил голову и приготовился к самому страшному – к крику, к наказанию, к тому, что его перестанут любить.

Но мама не кричала.

Часть 3. Честность важнее вазы

Она протянула лапу и осторожно вытащила котёнка из шкафа. Посадила его на пол, села рядом сама и сказала:

– Леон, посмотри на меня.

Он поднял глаза. Мама не сердилась. У неё был уставший, но спокойный вид, как после долгой прогулки.

– Ты разбил вазу. Это плохо, – сказала она. – Ваза была красивая и дорогая как память. Я расстроена. Но знаешь, что было бы хуже?

– Что? – еле слышно спросил Леон.

– Если бы ты соврал. Если бы ты сказал, что это не ты. Или убежал и сделал вид, что ничего не случилось. Понимаешь, ваза – это просто вещь. Вещи бьются. А честность – это то, что остаётся с тобой навсегда. Ты признался. Ты не спрятал правду в шкаф вместе с собой. И за это я тебя уважаю.

Леон поднял голову. Уши его приподнялись.

– Ты не накажешь меня? – спросил он.

– Накажу, – сказала мама. – Но не за то, что ты разбил вазу. А за то, что полез туда, куда не надо. Ты будешь три дня без десерта. Это справедливо?

Леон кивнул. Это было справедливо.

– А за честность я тебя не наказываю, – добавила мама. – За честность я тебя, наоборот, хвалю. Потому что признаться, когда страшно, – это очень трудно. Это сложнее, чем не лазить на полку. Ты молодец.

И она обняла его. Леон уткнулся носом в мамину шерсть и

почувствовал, как страх уходит. Вместо него пришло странное, тёплое чувство облегчения. Как будто он нёс тяжёлый камень, а теперь положил его.

Он признался. И мир не рухнул.

Эпилог. Новая игрушка

На следующий день Леон помог маме собрать осколки (аккуратно, в совок) и вытереть пол. Он даже написал маленькую записку бабушке – мама обещала передать: «Бабуля, я разбил вазу. Простите. Я больше не буду. Ваш Леон».

А вечером мама достала из пакета новую игрушку – маленькую мышку на верёвочке.

– Это тебе, – сказала она. – Не за то, что разбил вазу. И не за то, что признался. А просто так. Чтобы ты помнил: я тебя люблю. И буду любить даже с разбитой вазой. Особенно если ты говоришь правду.

Леон схватил мышку, закружился по комнате, потом подбежал к маме и лизнул её в нос.

– Мама, а если я когда-нибудь снова разобью что-то важное? – спросил он.

– Ты скажешь мне сразу? – спросила мама.

– Скажу, – твёрдо ответил Леон. И почувствовал, что говорит правду.

– Тогда не страшно. Вещи быются. А мы остаёмся.

В ту ночь Леон спал не в шкафу, а на маминой подушке. Ему снились синие осколки, которые сами собирались обратно в вазу, а поверх них прыгала золотая рыбка. И котёнок во сне улыбался.

Потому что он понял самое главное: шкаф – плохое убежище. От правды там не спрятаться. А вот в маминых объятиях – можно спрятаться от всего на свете. Даже от страха.

И если вы когда-нибудь разобьёте что-то важное – не прячьтесь в шкаф. Выходите и говорите правду. Потому что честность действительно важнее любой вазы. Даже с золотыми рыбками.

Конец.

Утёнок Дональд и серый пух

Часть 1. Не такой, как все

На берегу тихого лесного озера, где кувшинки качались на воде, а стрекозы звенели на все голоса, жила большая утиная семья. В гнезде вылупились десять утят. Девять из них были жёлтыми, как маленькие солнышки, – пушистые, круглые, с блестящими глазками-бусинками.

А десятый был серым.

Серый от клюва до хвоста. Серый, как осеннее небо. Серый, как камни на дне. Мама-утка сначала подумала, что он испачкался. Она тёрла его крылом, мыла в воде, даже попробовала вылизать – но серый цвет никуда не уходил.

– Ничего страшного, – вздохнула мама. – Зато крепкий.

Но для других утят это было страшно.

– Фу, какой ты странный! – сказал самый большой жёлтый брат.

– Ты не похож на нас! – добавила сестра в крапинку.

– Иди отсюда! Мы не играем с серыми!

Дональд – так назвала его мама – пытался подойти к братьям и сёстрам. Он хотел плавать вместе с ними, нырять за водорослями, гоняться за стрекозами. Но каждый раз его отталкивали.

– Ты нас всех портишь своим видом, – шипели утята. – Когда приходят гости, они смотрят на тебя и говорят: «Какие у вас все некрасивые». Из-за тебя нас меньше хвалят.

Дональд отходил в сторону и сиделся на камень. Он смотрел на своё отражение в воде – серое, неяркое, скучное – и не понимал, почему цвет так важен. Он ведь умел плавать не хуже других. Он даже нырял лучше всех – потому что много тренировался, пока его не звали в игры.

– Может, я правда не такой, – шептал он в пух. – Может, мне уйти?

Но уходить было некуда. Ему было всего две недели.

Часть 2. Холодный ветер

Однажды утром что-то изменилось. Солнце встало не золотым, а бледным. Ветер подул с севера – холодный, колючий, не такой, как всегда. Трава покрылась инеем. Вода в озере стала ледяной.

– Похолодание, – сказала мама-утка тревожно. – Быстро все в гнездо! Грейтесь!

Утята сбились в кучу. Они прижимались друг к другу, дрожали и пищали. Но девять жёлтых комочков не могли согреться. Их пух был красивым, ярким – но тонким. Ветер продувал его насквозь.

– Мне холодно! – плакал самый большой брат.

– Я не чувствую лапок! – хныкала сестра.

– Мама, мы замёрзнем!

Мама-утка растерялась. Она накрыла их крыльями, но крылья были только два, а утят – девять. Всех не укрыть. Она начала носить солому и сухие листья, чтобы утеплить гнездо, но холод был сильнее.

А Дональд сидел чуть поодаль. Он тоже замёрз – но не так сильно. Его серый пух был гуще, плотнее, теплее. Он чувствовал это. Ветер не пробирался до кожи. Холод скользил по верхним перышкам и не шёл глубже.

– Почему тебе не холодно? – спросил его один из братьев, стуча клювом от дрожи.

– Не знаю, – честно ответил Дональд. – Наверное, потому что я серый.

Брат фыркнул (холодно и обидно) и отвернулся. Но Дональд смотрел на замёрзших утят, на их синие лапки, на дрожащие хвостики – и что-то щёлкнуло у него внутри.

Он не мог их бросить. Даже если они его дразнили. Даже если не играли с ним. Даже если называли «серой скучной тряпкой».

Он встал, отряхнулся и пошёл к гнезду.

Часть 3. Серое тепло

– Пустите меня в середину, – сказал Дональд.

Утята уставились на него. Самый большой брат хотел возразить – но зубы стучали так сильно, что не получалось говорить.

– Мой пух греет лучше вашего, – объяснил Дональд. – Я буду как грелка. Возьмите меня в центр кучи, и вы согреетесь.

– Не хотим мы... с тобой... в одной куче... – пропищала сестра, но голос её дрожал.

Мама-утка посмотрела на Дональда долгим взглядом. А потом сказала:

– Пусть сядет. Сейчас не время для обид.

Утята нехотя расступились. Дональд забрался в самую середину – туда, где было холоднее всего, потому что там не хватало тела. И лёг, распушив свой серый, густой, тёплый пух.

И случилось чудо.

Тепло пошло от него во все стороны. Как от печки. Как от маленького солнца – не яркого, но горячего. Жёлтые утята перестали дрожать. Лапки перестали синеть. Кто-то даже закрыл глаза и засопел.

– Правда теплее, – удивился брат.

– Я чувствую, – сказала сестра. – Он как одеяло.

Дональд лежал и не двигался. Ему было очень тесно, и один брат наступил ему на лапу, и сестра дышала прямо в ухо. Но он терпел. Потому что они перестали дрожать. Потому что они больше не плакали.

Так они пролежали несколько часов. Ветер выл снаружи, но внутри, под серым пухом, было тихо и спокойно.

Когда солнце наконец выглянуло из-за туч, мама-утка сказала:

– Все живы. Спасибо тебе, Дональд.

Утята вылезли из кучи. Они смотрели на Дональда другими глазами. Не как на «странного» и «некрасивого». А как на того, кто согрел их в самую страшную минуту.

Эпилог. Цвет не главное

На следующее утро Дональд проснулся от того, что кто-то толкал его в бок. Он открыл глаза – рядом стоял самый большой жёлтый брат и держал в клюве свежую водоросль – самую вкусную, с пузырьками.

– Это тебе, – сказал брат. – За вчерашнее.

– Спасибо, – удивился Дональд.

– Знаешь, – брат помялся лапками. – Твой цвет... он на самом деле не такой уж плохой. Он... практичный. Тёплый. А мы красивые, но мёрзлые. Какая разница, как выглядишь, если ты хороший?

Дональд улыбнулся – впервые за долгое время.

С того дня его больше не гнали. Он плавал вместе со всеми, нырял, гонялся за стрекозами. Иногда кто-нибудь из чужих уток на озере говорил: «Почему у вас один серый?» И братья с сёстрами теперь отвечали не смущаясь:

– Это Дональд. Он нас спас. А цвет – это вообще не главное. Главное – какой пух внутри. А у него тёплый.

Дональд вырос, но так и остался серым. Его пух стал ещё гуще. Зимой, когда другие утки дрожали на ветру, он купался в проруби и говорил:

– Холодно? А я не заметил. Спасибо моему серому пуху.

Мама-утка иногда вздыхала, вспоминая ту вазу (не ту, а другую, но это отдельная история), а потом гладила Дональда крылом и шептала:

– А знаешь, я рада, что ты родился серым. Если бы ты был жёлтым – кто бы нас всех согрел?

Дональд молчал. Но внутри у него было так тепло, как будто он сам сидел у костра. И он понял главное: неважно, какого ты цвета. Важно, что ты делаешь, когда другим холодно. И готов ли ты отдать своё тепло – даже тем, кто не звал тебя в игры.

И если вы когда-нибудь встретите кого-то «не такого, как все» – присмотритесь. Может быть, этот «серый» однажды согреет вас в самый холодный день. А вы тогда вспомните, что дразнили его за цвет.

И вам станет стыдно.

И вы принесёте ему водоросль. Самую вкусную.

Конец.

Собачка Рокси и хвастливый мяч

Часть 1. Мяч, который умел всё

На зелёной лужайке городского парка каждый вечер собиралась компания: собачка Рокси, кот Тим, попугай Гоша и старый пёс Барни. Они играли, бегали и делились новостями. Но главным на лужайке был не кто-то из них, а мяч. Обычный резиновый мяч в красно-синюю полоску.

Мяч не умел разговаривать. Но Рокси умела за него говорить.

– Этот мяч не простой! – объявила она однажды, подбрасывая его лапой. – Он умеет летать! Правда-правда. Я сама видела.

Кот Тим прищурился:

– Мячи не летают. Их кидают.

– А мой – летает! – Рокси подбросила мяч повыше. Тот упал в траву. – Сейчас не хочет. Настроения нет.

Попугай Гоша склонил голову:

– Ты ври, Рокси? У тебя уши дёргаются, когда ты врёшь.

– Ничего не дёргаются! – Рокси прижала уши. – Просто...

ветра нет. Мячу нужен ветер.

Старый Барни промолчал. Он многое видел и знал, что у Рокси богатое воображение.

Но Рокси не остановилась. Через день она рассказала, что мяч «вчера облетел вокруг дуба три раза». Ещё через день – что мяч «умеет нырять в ручей и вылетать обратно с рыбкой в зубах». Рыбки у мяча не было, но Рокси так ярко описывала, что даже Гоша начал сомневаться.

– А покажешь? – спросил Тим.

– Покажу. Когда мяч будет в настроении.

– А когда оно будет?

– Когда никто не смотрит, – нашлась Рокси.

На самом деле Рокси очень хотелось, чтобы мяч умел летать. Она мечтала об этом с самого детства – взлететь над лужайкой, увидеть парк с высоты, почувствовать ветер в ушах. Но у собак нет крыльев. А у мяча – тем более. Но Рокси так привыкла говорить «мой мяч умеет», что сама почти поверила.

Почти.

Часть 2. День, когда мяч упал

Однажды в парк пришли новые звери – двое енотов и белка. У белки был настоящий воздушный змей – бумажный дракон на верёвочке, который летал высоко-высоко.

– Ого! – сказал кот Тим. – Вот это да!

– А у Рокси мяч летает, – вставил попугай Гоша. – Правда, Рокси?

Рокси покраснела (насколько это возможно под шерстью).

– Летает, – пробормотала она.

– Покажи! – закричали еноты. – Соревнование! Чей выше – мяч или змей?

Рокси оглянулась. Спасаться было некуда. Все смотрели на неё. Даже старый Барни, который обычно дремал, открыл один глаз.

Она поставила мяч на траву и дунула на него. Мяч не сдвинулся.

– Ему надо разогнаться, – сказала Рокси. Она отбежала на десять шагов и с разбегу пнула мяч лапой. Мяч взлетел на метр, описал дугу и шлёпнулся обратно.

– Это не полёт, – сказала белка. – Это удар.

– Сейчас будет полёт, – простонала Рокси. Она схватила мяч, подбросила его вверх и начала махать лапами, создавая ветер. Мяч падал. Рокси махала. Мяч падал быстрее. Потом стукнулся ей по носу.

Все молчали.

А потом еноты захихикали. Белка улыбнулась. Кот Тим вздохнул. Попугай Гоша сказал громко, на всю поляну:

– Так мяч не летает вообще, да? Ты всё выдумала?

Рокси села на траву. Мяч лежал рядом – такой обычный, резиновый, нелетающий. Уши у неё прижались к голове. Хвост опустил.

– Выдумала, – сказала она тихо. – Всё выдумала. Мяч не умеет летать. Никогда не умел. Я просто хотела, чтобы выдумали, что у меня есть что-то особенное.

– Зачем? – спросил Тим.

– Потому что у меня ничего нет особенного, – Рокси шмыгнула носом. – Тим, ты умеешь ловить мышей одной лапой. Гоша, ты говоришь на трёх языках. Барни, ты знаешь сто историй. А я... я просто собачка с мячом. И мяч даже не летает. Я просто мечтаю, чтобы он летал. И соврала, потому что мечтать в одиночку скучно.

Тишина была долгой. Потом старый Барни поднялся, подошёл к Рокси и лизнул её в ухо.

– Знаешь, Рокси, – сказал он. – Мечта – это не стыдно. Стыдно врать, что мечта уже сбылась, когда она ещё нет. Но если ты скажешь правду – мы можем попробовать сделать так, чтобы твоя мечта стала настоящей.

Рокси подняла голову:

– Как?

– Мяч не летает, – сказал Барни. – А вот воздушный змей – летает. У тебя есть мяч, у белки есть змей, у всех есть лапы и желание. Давайте сделаем Рокси такой змей, который она сможет запускать сама.

Часть 3. Честный полёт

И они принялись за дело.

Белка принесла бумагу и верёвки. Еноты нашли тонкие рейки от сломанной скамейки. Кот Тим связал всё вместе – у него были самые ловкие лапы. Попугай Гоша разрисовал змея красно-синими полосками, как Роксины мяч. А старый Барни учил Рокси завязывать узлы.

– Ты соврала, – сказал он. – Это плохо. Но ты призналась – это хорошо. А теперь ты делаешь змея – это лучше всего. Потому что врать о чужих способностях глупо, а делать что-то своими лапами – честно.

Рокси кивала. Она клеила, привязывала, примеряла. К вечеру змей был готов – не очень красивый, чуть кривой, с хвостом из старых ленточек. Но он был настоящий.

– Ну, давай, – сказал Тим. – Теперь твоя очередь. Без вранья.

Рокси взяла верёвку, разбежалась по лужайке – и змей взлетел. Сначала низко, потом выше, потом ещё выше. Ветер подхватил его, и красно-синий дракон затанцевал в небе

над парком.

– Летит! – закричала Рокси. – Честно летит! Сама видите! Все смотрели вверх. Змей парил над дубами, над крышами, над облаками. И Рокси бежала за ним по траве, смеялась и кричала что-то радостное.

– Теперь у тебя есть особенное, – сказал Барни. – Не мяч, который не летает. А змей, который летает. И друзья, которые помогли его сделать. Это лучше, чем врать про чудеса. Правда?

Рокси остановилась, перевела дух и посмотрела на змея, на друзей, на мяч, который лежал в траве и больше не притворялся волшебным.

– Правда, – сказала она. – Честное слово.

Эпилог. Мяч, который стал счастливым

С того дня Рокси больше не врала. Если она чего-то не умела – она говорила: «Не умею, но научусь». Если у неё была мечта – она говорила: «Мечтаю, давайте сделаем вместе». Друзья её за это уважали и помогали.

А старый мяч, который когда-то «умел летать», теперь просто лежал в корзинке. Рокси играла с ним иногда – кидала, ловила, катала. И не выдумывала про него сказок. Потому что зачем выдумывать, когда у тебя есть настоящий воздушный змей и настоящие друзья, которые не смеются над твоими мечтами, а помогают их осуществить?

Каждый вечер Рокси запускала змея. Белка сидела рядом и комментировала высоту. Кот Тим проверял узлы. Попугай

Гоша кричал с дерева: «Выше! Выше!» А старый Барни дремал и улыбался.

– Знаешь, – сказал он однажды Рокси. – Твой мяч всё-таки летает.

– Как? – удивилась Рокси.

– Он лежит в корзинке, а ты бегаешь со змеем. Твоя радость от него – и есть полёт. Разве не так?

Рокси подумала и улыбнулась. Наверное, так. Потому что счастье – оно и есть самый настоящий полёт. Только его не надо выдумывать. Его надо делать своими лапами – честно и вместе с друзьями.

А если вы когда-нибудь соврёте, чтобы казаться лучше, – остановитесь. Скажите правду: «Я просто мечтаю». И вы увидите – мечтать не стыдно. Стыдно делать вид, что мечта уже сбылась. А если сказать правду – может быть, кто-то рядом скажет: «Давай сделаем твою мечту настоящей».

И тогда случится чудо. Не выдуманное, а самое настоящее.

Конец.

Крот Марсель и разноцветные очки

Часть 1. Туманный мир

Под землёй, в лабиринте туннелей и уютных норок, жил крот по имени Марсель. Он был старательным, добрым и очень любил свой подземный мир – мягкую землю, пахучую темноту, шёпот корней и далёкий гул дождя сверху.

Но была одна беда: Марсель плохо видел.

Очень плохо. Всё, что он различал на поверхности, – это расплывчатые пятна. Солнце было большим жёлтым размытием. Цветы – сероватыми теньями. Лица друзей – туманными силуэтами без черт.

– Марсель, какой сегодня красивый закат! – говорила мышка Жозефина.

– Да, наверное, – отвечал Марсель, глядя в сторону. Он не видел заката. Он видел только оранжевое пятно, которое медленно темнело.

– Ты смотрел на облака? Они похожи на барашков! – кричал заяц Луи.

– Очень похожи, – вздыхал Марсель. На самом деле он не

видел ни одного барашка.

Марсель привык. Он думал, что так видят все. Он не знал, что мир на самом деле полон деталей – прожилок на листьях, переливов на крыльях бабочек, тысяч оттенков зелёного, которых он никогда не замечал.

Однажды он наступил на хвост ежихе Агате.

– Ой! – вскрикнула Агата. – Марсель, ты что, не видишь?

– Извини, – пробормотал крот. – Я не разглядел.

– Как можно не разглядеть хвост? Он же колючий! – возмутилась ежиха.

– Я... вообще плохо различаю, – признался Марсель. – Всё как в тумане.

Агата замолчала. А потом сказала:

– Марсель, тебе нужны очки.

Часть 2. Стекланный стыд

На следующий день друзья – мышка Жозефина, заяц Луи, ежиха Агата и старая сова Эдит – собрали монетки и купили в лесной лавке очки. С простыми стёклами, в тонкой оправе. Не разноцветные, не волшебные – просто очки, которые делают мир чётким.

– Держи, – сказала Жозефина, протягивая футляр. – Те-

перь ты всё увидишь.

Марсель взял очки дрожащими лапами. Он надел их.

И замер.

Мир взорвался деталями. Каждый лист на дереве имел свои жилки. У мышки Жозефины оказались длинные ресницы. У зайца Луи – смешное белое пятно на носу. Небо было не просто «светлым», а голубым, глубоким, с тонкими облаками, которые действительно были похожи на барашков!

– Ого, – прошептал Марсель. – Ого-го-го!

Друзья засмеялись от радости. Но потом Марсель заметил, что на него смотрят другие звери. Белка с соседнего дерева прищурилась. Ёжик, который проходил мимо, уставился на его нос.

– Очки! – сказал кто-то. – Крот в очках! Ха-ха!

Марсель покраснел (насколько это возможно под шерстью). Он вдруг почувствовал себя странным, не таким, как все. Очки – это для старых сов. Или для тех, кто сломался. А он молодой крот, и вдруг – очки.

– Спасибо, – быстро сказал он, снял очки, сунул в футляр и нырнул обратно в нору.

Он не надевал их три дня. Ходил как раньше – в тумане. Наступал на хвосты, не видел закатов, спотыкался о корни. Друзья удивлялись:

– Почему ты не носишь очки?

– Неудобно, – врал Марсель.

– Ты же ничего не видишь!

– Я привык.

Но он не привык. Теперь он знал, что теряет. И от этого было ещё грустнее.

Часть 3. Первый ясный день

На четвёртый день к нему в нору спустилась сова Эдит. Старая, мудрая, в своих собственных очках – больших, круглых, которые она носила с гордостью.

– Марсель, – сказала она. – Ты стесняешься очков?

– Нет, – буркнул крот.

– Врёшь. Я вижу – у тебя уши красные. Знаешь, сколько мне было лет, когда я начала носить очки?

– Сколько?

– Два года. Совёнком. Меня дразнили «очкариком» и «стеклянной головой». Я плакала, пряталась в дупле и не выходила. А потом поняла одну вещь.

– Какую?

– Я вижу лучше всех, кто меня дразнил. Они ходят и не за-

мечают, как красива ночная роса на паутине. А я вижу каждую каплю. Кому из нас повезло?

Марсель задумался. Сова Эдит улетела, оставив его с этой мыслью.

Утром он встал, подошёл к выходу из норы, глубоко вздохнул – и надел очки. Вылез на поверхность. Сердце колотилось.

– Смотрите, крот в очках! – крикнул кто-то издалека.

Марсель зажмурился. Но потом открыл глаза и... увидел.

Он увидел, как солнце пробивается сквозь листву и рисует золотые круги на траве. Он увидел муравья, который нёс травинку в три раза больше себя. Он увидел, как капля росы сползает по лепестку колокольчика и падает – медленно, блестя, как маленькая звезда.

– Какая красота, – выдохнул Марсель громко, так, что все услышали.

Звери обернулись. Марсель стоял с очками на носу, и лицо у него было счастливое. Не стеснённое. Не испуганное. А настоящее, радостное, удивлённое.

– Ты правда так хорошо видишь? – спросила белка, которая давеча смеялась.

– Я вижу каждую травинку, – сказал Марсель. – И каждую твою ресницу. Их тридцать две. Я сосчитал.

– Ничего себе, – сказала белка. – А что ещё видно?

И Марсель начал рассказывать. О цветах, о жучках, о телях, о том, как меняется свет. Он говорил так увлечённо, что звери слушали, раскрыв рты. А потом мышка Жозефина сказала:

– Я тоже хочу очки!

– И я! – подхватил заяц Луи. – Не потому, что плохо вижу. А потому, что хочу видеть так же красиво, как Марсель!

Эпилог. Лес в очках

К концу недели в лесу начался настоящий ажиотаж. В лесной лавке закончились все очки – даже самые простые, даже детские, даже те, которые никто не брал три года. Звери носили их не потому, что плохо видели. А потому, что хотели замечать красоту – так, как её замечал Марсель.

Крот больше не стеснялся. Он ходил по лесу, поднимал голову к небу и говорил:

– Посмотрите на это облако! Оно похоже на слона! А вон то – на пирожное!

И все смотрели. И видели. Даже те, у кого было идеальное зрение, надевали очки – и удивлялись, сколько деталей они пропускали раньше.

Старая сова Эдит однажды сказала Марселю:

– Ты сделал то, что не могла сделать я. Я просто перестала стесняться. А ты сделал очки модными. Теперь никто не смеётся. Все хотят быть как ты.

– Я не хотел быть модным, – улыбнулся Марсель. – Я про-

сто хотел видеть мир. А оказалось, что когда ты перестаёшь стесняться себя – другие тоже перестают стесняться. И начинают замечать то, чего раньше не видели.

Очки Марсея были обычными, без диоптрий для других. Но он всё равно давал их померить каждому, кто просил. И каждый, посмотрев в них, говорил:

– Да тут всё как обычно. Ничего волшебного.

– Волшебство не в стёклах, – отвечал Марсель. – Волшебство в том, что я наконец перестал прятаться и показал вам, как смотреть.

И это была правда.

Если вы когда-нибудь будете стесняться того, что делает вас «не таким, как все», – вспомните крота Марсея. Над ним смеялись. Он прятался в нору. А потом он вышел в очках и сказал: «Мир прекрасен, и я хочу его видеть». И оказалось, что все хотят того же самого. Просто боялись признаться.

Не бойтесь быть собой. Даже если для этого нужны очки. Или что-то ещё, что отличает вас от других. Потому что однажды ваша «особенность» может стать тем, чему все захотят подражать. И вы станете не «странным кротом», а тем, кто открыл всем глаза.

Буквально.

Конец.

Овечка Бианка и чёрное пятнышко

Часть 1. Беда на носу

На зелёном холме, где небо встречается с травой, паслось большое овечьё стадо. Там были овечки белые, как облака, с кудрявой шерстью и розовыми ушами. Каждый день они щипали траву, грелись на солнце и тихо блеяли что-то приятное.

Но среди всех этих белых-пребелых овечек жила одна необычная. Её звали Бианка. Она была такой же кудрявой, такой же пушистой, такой же розовоухой – но на самом кончике её носа красовалось маленькое чёрное пятнышко. Размером с горошину. Круглое, чёткое, заметное издалека.

– Ах, какое несчастье! – вздыхала Бианка, глядя в лужицу после дождя. – Зачем оно мне? Почему у всех нет пятен, а у меня есть?

Она пыталась оттереть пятно. Тёрла нос о траву, о камень, о ствол берёзы – бесполезно. Пятно было её родным, намертво вросшим в белую шерстку. Тогда Бианка попробовала спрятать его. Она задирала голову так высоко, чтобы никто не видел снизу. Она прижимала нос к траве, будто паслась, хотя на самом деле просто пряталась. Она даже пыталась закрасить пятно соком черники – получилось фиолетово-чёрное безобразие, и маме пришлось мыть её целый час.

– Доченька, – сказала мама-овца. – Перестань мучить се-

бя. Это просто пятно.

– Но оно некрасивое! – плакала Бианка. – Другие овечки смеются. Вчера ягнёнок Рудольф сказал, что я похожа на мухоеда. А сегодня овечка Клара спросила, не упала ли я носом в чернила.

Мама вздохнула. Она знала, что словами здесь не помочь. Дочка должна была сама понять, что пятно – не проклятие, а подарок судьбы.

Но пока Бианка не понимала. Она паслась отдельно от всех, старалась держаться у края стада, чтобы её нос был обращён в сторону леса, а не в сторону соседей. Когда мимо пробегали другие ягнята, она отворачивалась и делала вид, что очень занята важным пережёвыванием.

– Бианка, иди с нами играть в салки! – кричали ей.

– Не хочу, – блеяла она в ответ. – У меня нос болит.

– Нос не болит, ты просто стесняешься! – смеялись они. И убежали без неё.

Бианка оставалась одна. И ей было очень грустно.

Часть 2. Тысяча овечек и одна

Однажды случилось то, что перевернуло всё.

Стадо повело на водопой к дальнему ручью. Дорога шла через незнакомый лес. Овечки блеяли, толкались, отвлекались на вкусные кустики – и в какой-то момент мама-овца

оглянулась и не досчиталась Бианки.

– Бианка! – позвала она. – Бианка, отзовись!

Тишина. Только ветер шуршал листьями, да где-то далеко стучал дятел.

Мама-овца не запаниковала. Она спокойно развернулась и пошла обратно по тропе, внимательно вглядываясь в каждую овечку. А их было много – целое стадо белых кудрявых существ, одинаковых как две капли воды. Как найти среди них свою дочку?

– Все овечки похожи, – прошептал кто-то из пастухов. – Как их различить?

Но мама знала секрет. Она прошла мимо десяти овечек, мимо двадцати, мимо пятидесяти. И вдруг остановилась.

На обочине тропы, прижавшись к кусту и плача, стояла Бианка. Она отстала, потому что наклонилась за особенно сочным одуванчиком, а когда подняла голову – стада уже не было. Она испугалась, растерялась и заплакала.

– Мама! – закричала она, увидев родную овечку.

– Бианка! – мама обняла её, не обращая внимания на колючие ветки. – Как я рада тебя видеть!

– Но как ты меня нашла? – спросила Бианка сквозь слёзы. – Здесь же столько овечек. Мы все белые и кудрявые.

Мама улыбнулась, наклонилась и поцеловала дочку в нос – прямо в чёрное пятнышко.

– По этому, – сказала она. – Тысяча белых овечек пройдёт

мимо, и я не узнаю ни одну. Но как только я увижу маленькое чёрное пятнышко – я сразу пойму: это моя Бианка. Моя самая любимая, самая узнаваемая дочка на всём белом свете. Если бы у тебя не было пятнышка, ты бы потерялась для меня навсегда среди всех этих белых спинок. А так – ты всегда моя. Потому что я ищу чёрную горошину на белом носу.

Бианка перестала плакать. Она подняла голову и посмотрела на маму. Потом опустила глаза к лужице и снова увидела своё отражение – белую овечку с чёрным пятнышком. И вдруг ей показалось, что пятно стало красивым.

– Ты правда его любишь? – спросила она.

– Я люблю тебя, – ответила мама. – А пятно – это просто часть тебя. Как уши. Как хвост. Как твой смех. Я люблю всё, что твоё.

Часть 3. Гордость вместо стыда

С того дня Бианка перестала прятаться. Она выходила на середину поляны, поднимала нос высоко-высоко, чтобы пятно было видно всем. Соседние ягнята сначала удивлялись:

– Смотрите, Бианка больше не прячет своё пятно!

– Может, она заболела?

– Или смирилась?

Но потом они заметили, как сияют глаза у Бианки. Как уверенно она идёт по тропе. Как смеётся, когда кто-то гово-

рит про её нос.

– Тебе не стыдно? – спросил ягнёнок Рудольф, тот самый, который назвал её мухоедом.

– А зачем мне стыдиться? – ответила Бианка. – По этому пятну меня мама находит среди тысячи овечек. А по какому пятну тебя находит твоя мама?

– У меня нет пятна, – растерялся Рудольф.

– Тогда как она тебя отличает? – прищурилась Бианка.

Рудольф задумался. И не нашёл ответа.

Вскоре другие овечки начали завидовать Бианке. «Подумаешь, пятно, – говорили они. – Зато её сразу видно. А нас мамы путают. Вчера моя мама облизала чужую овечку по ошибке!» И все смеялись.

Бианка больше не плакала по ночам. Она смотрела на своё отражение в ручье и говорила: «Здравствуй, Бианка с пятнышком. Ты очень красивая». И пятно словно улыбалось ей в ответ.

Эпилог. Самая узнаваемая овечка

Прошло время. Бианка выросла и стала мамой сама. У неё родилась белая-пребелая дочка – ни одного пятнышка. Дочка плакала:

– Мама, у всех овечек есть какие-то отметины, а у меня

ничего! Меня никто не узнает!

Бианка улыбнулась, наклонилась и поцеловала дочку в нос.

– Не переживай, – сказала она. – У тебя есть улыбка. Когда ты улыбаешься – у тебя на мордочке появляется ямочка. Вот по ней я тебя и узнаю. И буду узнавать всегда, даже среди миллиона белых овечек.

Дочка улыбнулась. Ямочка появилась. И она вдруг поняла то, что когда-то поняла её мама: самое важное отличие – это не то, как ты выглядишь. А то, что есть кто-то, кто тебя любит и всегда узнает. По чему угодно – по пятну, по ямочке, по хрипотце в голосе, по особому повороту головы. И если у тебя есть такая любовь – любой «недостаток» становится драгоценностью.

Бианка до сих пор пасётся на зелёном холме. Её чёрное пятнышко видно издалека. Другие овечки иногда говорят:
– Смотрите, Бианка идёт! Та, с пятном!

И Бианка гордо поднимает голову и думает: «Да, это я. Та самая. Которую мама всегда найдёт».

Иногда к ней подходят маленькие ягнята с родинками, веснушками или белыми прядями на тёмной шерсти. Они стесняются своих отметин. И Бианка рассказывает им свою историю – про лужицу, про слёзы, про мамины слова. И ягнята уходят счастливыми.

Потому что теперь они знают: то, что делает тебя непохо-

жим на других – это не проклятие. Это подарок. Это твоя личная звёздочка, по которой тебя найдут в любой толпе. Даже если ты потеряешься на самом дальнем водопое.

И если у вас есть какое-нибудь «пятнышко» – на носу, на душе, на характере – не прячьте его. Покажите миру. Потому что однажды оно окажется самым главным, что в вас есть. Тем, что отличает вас от тысячи других и делает вас – вами.

Конец.

Жираф Саймон и нелепая шея

Часть 1. Слишком длинная, слишком нелепая

В африканской саванне, где солнце плавит горизонт, а акации растут редко, жил молодой жираф по имени Саймон. Он был высоким, пятнистым, длинноногим – как все жирафы. Но Саймон считал себя не таким, как все.

У него была слишком длинная шея.

– Посмотри на себя! – говорили ему сверстники-зебры. – Твоя голова где-то в облаках. Мы не можем с тобой нормально разговаривать – у нас шея болит задира́ть морду.

– Ты спотыкаешься о собственные ноги, когда бежишь, – хихикали страусы. – Потому что твоя шея как хвост кометы – всё время тянет вперёд!

– Саймон, давай в прятки? – предлагали антилопы. – А, нет, ты же не можешь спрятаться. Твоя шея торчит из любого куста.

Саймон вздыхал. Он пытался быть как все – низко опускал голову, пригибал шею к земле, пытался казаться короче. Но шея всё равно вытягивалась обратно – она была слишком длинной, чтобы её спрятать.

– Зачем природе понадобилось делать меня таким столбом? – жаловался он маме.

– Ты ещё поймёшь, – отвечала мама-жирафиха. – Каждая часть тела нужна для чего-то.

– Для чего? Чтобы меня дразнили? Чтобы я не мог играть в нормальные игры? Чтобы я наклонялся за водой целую минуту, пока все уже напились?

Мама молчала. Она знала, что время придёт.

А Саймон продолжал стесняться. Он старался пастись в самом дальнем углу саванны, где его никто не видел. Он отказывался ходить на водопой вместе со всеми – потому что, пока он, согнув шею дугой, добирался до воды, зебры успевали напиться, обсудить новости и уйти. Он чувствовал себя неуклюжим, нелепым, лишним.

Однажды он даже подумал: «А что, если бы у меня была нормальная шея, как у лошади? Тогда бы я был как все. Тогда бы меня не дразнили».

Но судьба готовила для Саймона день, когда он скажет «спасибо» своей нелепой шее.

Часть 2. Огненное кольцо

Это случилось в конце сухого сезона. Трава высохла до хруста, деревья стояли голые, и даже воздух казался горячим. Кто-то – говорили, что молния, говорили, что неосторожный шакал – поджёг сухую ветку. Ветер раздул пламя. И через час огромная часть саванны горела.

Звери бежали. Зебры, антилопы, страусы, носороги – все

мчались прочь от огня. Но огонь двигался быстрее. Он отрезал главную дорогу к реке – единственному месту, где можно было спрятаться от жара.

– Мы отрезаны! – кричал старый слон. – Огонь с трёх сторон, с четвёртой – обрыв. Река рядом, но к ней не пробиться!

– Если мы останемся здесь, мы сгорим! – плакали антилопы.

– Или задохнёмся от дыма!

Все заметались. Саймон стоял чуть поодаль и тоже смотрел на огонь. Его длинная шея поднималась над головами других зверей, и он видел дальше всех.

– Я вижу реку! – крикнул он. – Она в двухстах шагах за огненной стеной. Вода есть. Но пройти нельзя – огонь слишком высокий.

– Если бы кто-то мог достать воду и принести её сюда! – простонал носорог. – Но кому под силу перебросить воду через огонь?

Саймон замер. Он посмотрел на свои копыта, потом на свою шею – длинную, гибкую, которая доставала до самых высоких веток. Потом перевёл взгляд на реку, которая виднелась за огнём. И вдруг понял то, чего не понимал никогда раньше.

– Я могу, – сказал он тихо. Никто не услышал. – Я могу! – повторил он громче.

Все обернулись. На него смотрели десятки перепуганных глаз.

– Ты можешь что? – спросил лев.

– Моя шея, – сказал Саймон. – Она длинная. Я могу дотянуться до реки поверх огня. Если я встану на край обрыва – моя голова будет прямо над водой. Я могу зачерпнуть воду в пасть, повернуться и выплюнуть сюда. Медленно, по чуть-чуть. Но я могу.

Звери молчали. Потом кто-то засмеялся нервно:

– Ты шутишь? Твоя шея всегда была посмешищем, а теперь ты говоришь, что она спасёт нас?

– Она не была посмешищем, – сказал Саймон. – Я просто думал, что была. А теперь отойдите. Дайте мне место.

Часть 3. Шея-спаситель

Он подошёл к краю обрыва. Внизу, в ста шагах, полыхала огненная стена. За ней блестела река. Саймон вытянул шею – так, как никогда не вытягивал. Он тянулся вперёд, вниз, через жар. Дым щипал глаза, искры пролетали мимо ушей. Но он не отступал.

– Ещё немного, – прошептал он.

Его голова наклонилась над водой. Он открыл пасть, зачерпнул полный рот воды, с трудом поднял голову обратно – это было тяжело, вода тянула вниз – развернулся и выплю-

нул на горящую траву.

Шипение. Пар. Маленький клочок огня погас.

– Получилось! – закричали зебры.

– Ещё! – закричали все.

Саймон снова наклонился. Снова зачерпнул. Снова выплюнул. Раз за разом, раз за разом. Шея болела, мышцы горели, слюна смешивалась с водой, но он не останавливался. Он доставал воду из реки и тушил огонь. Сантиметр за сантиметром. Шаг за шагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.